

Э. МОНТЕГЮ О ПРИЧИНАХ ИЗМЕНЕНИЙ В СИСТЕМЕ ПРАВЛЕНИЯ В СПАРТЕ

Предпринята попытка определения идейно-теоретических позиций Эдварда Монтегю, историка XVIII в. Труд Эдварда Монтегю «Размышления о возвышении и падении античных республик», изданный в 1759 г., посвящен проблемам античной истории. Этот труд замалчивался в XIX в., не стал он предметом большого внимания и в XX в. Автор приходит к выводу, что Э. Монтегю, излагая историю античных республик, исходил из решающей роли материальных обстоятельств и особенно системы распределения земельной собственности как в общем ходе истории, так и в судьбах государств, в отдельных событиях и поведении людей, что свидетельствует о существенном своеобразии английской исторической мысли эпохи раннего Просвещения.

Ключевые слова: английская историография; Античность; Спарта.

В последние десятилетия XX в. в зарубежной и отечественной историографии происходила некоторая переоценка теоретических основ, используемых в исторических трудах середины и второй половины XVIII в. В зарубежной историографии отмечалось, что в основе исторических произведений второй половины XVIII в. лежали достижения философской мысли предшествующих эпох, и прежде всего идеи мыслителей XVII – начала XVIII в. о существовании определенных «стадий» в общественном развитии, о связи этих «стадий» со способами деятельности и формами собственности. Однако это изменение теоретических основ, как правило, связывалось с особенностями французской исторической мысли эпохи Просвещения, и прежде всего с трудом Монтескье «О Духе законов», опубликованном в 1748 г., и трудами Вольтера [1. С. 209].

В отечественной историографии оценка трудов английских историков этого периода также претерпела некоторые изменения. В трудах М.А. Барга, Н.М. Мещеряковой, Т.Л. Лабутиной утверждался и находил подтверждение тезис о некотором приоритете английских историков конца XVII в. в разработке теоретических основ общественно-политической и исторической мысли [2–4].

В то же время оценка одного из течений английской исторической мысли – античной историографии – в немногочисленных отечественных и в зарубежных исторических исследованиях остается невысокой [5, 6]. Причина этого, как представляется, связана с неверным определением главных проблем, рассматриваемых английскими историками Античности XVIII в., и с неверным определением их теоретических основ.

Оценки их теоретических основ в значительной степени зависели от характеристики политической ситуации XVIII в. Оценка политической ситуации XVIII в. как времени либо политического компромисса, либо полного господства вигов со стороны отечественной и зарубежной историографии привела к представлению и о господстве либеральных, вигских идей в английском Просвещении. Первоначально, в XIX в., такая оценка была следствием сознательной трактовки политической ситуации XVIII в. в вигской по характеру исторической науке, а позже, в XX в., – влияния либерально-буржуазных идей, подчеркивавших положительную, а не «губительную» для судеб античных государств роль экономического, материального фактора в политическом развитии общества. В отечественной, советской, историографии зачастую заимствовали аргументацию либеральной историографии XIX–XX вв., однако критиковали историков-античников, в

противоположность либеральной историографии, с позиций классового подхода: как за недооценку положительной роли тех же самых экономических факторов, так и за преувеличение роли политических и религиозных факторов. Достигалось это путем искажения трактовок, как в случае с Уильямом Митфордом, а чаще – замалчиванием произведений тех историков, чьи идеи противоречили данной характеристике эпохи, как в случае с Эдвардом Монтегю и Джоном Гиллисом [7–11]. Исключением является наследие Эдварда Гиббона, лишь оно стало предметом многочисленных исследований за рубежом и отчасти в отечественной историографии [12–17]. Однако, на наш взгляд, большинству этих исследований свойственно неполное или неточное определение идейно-теоретической базы Э. Гиббона и конкретных причин гибели Римской империи [18].

В своем фундаментальном исследовании «Антидемократическая традиция в Западной мысли» Джулия Робертс подчеркивает, что, намереваясь определить причины возвышения и падения античных республик, Э. Монтегю «...предвещает о предстоящем крахе цивилизации, если Великобритания не изменит свое развитие. В античных Афинах и Риме, в которых он видел зловещие предупреждения для Англии восемнадцатого столетия, он указывает на сходство в обычаях между современной Великобританией и античными государствами в периоды их вырождения» [6. С. 160]. На наш взгляд, мнение Дж. Робертс о задаче труда Монтегю совершенно обосновано и находит подтверждение во введении к его труду [19. С. 7]. Определение Дж. Робертс главной задачи труда Монтегю подтверждается и общей структурой его исследования. Действительно, по структуре труд Монтегю распадается на ряд сюжетов, посвященных рассмотрению изменений в системе управления Спарты, Афин, Фив, Карфагена и Рима. О том, что это осознанный выбор, свидетельствуют и содержание, и названия ряда глав, специально обобщающих результаты исследований изменений в системе управления: «Действительные причины быстрого упадка Римской Республики», «Революции в смешанном правлении», «Британская конституция».

Однако, определяя причины, которые, по мнению самого Монтегю, «содействовали их краху [античных республик] и действуют, в этот раз, очень сильно и у нас [в Великобритании XVIII в.]», Дж. Робертс выделяет, на наш взгляд, ряд далеко не самых главных из имеющихся в труде Монтегю идей. Так, она считает, что «Монтегю видит признаки опасного следования Великобританией примеру классических Афин, где стремление устраивать атлетические соревнования

уступало стремлению к разрушительному литературному соперничеству и, в конечном счете, завершило упадок» [6. С. 160]. Кроме того, Дж. Робертс подчеркивает, что еще одной из его главных идей является критика «шекспиромании» в Англии, поскольку Монтегю «включает в свою бранную речь отрывки из Плутарха, в которых он пригвождал к позорному столбу афинян четвертого столетия за расходы большие, чем в Персидских войнах» на театральные постановки [Там же]. По мнению Дж. Робертс, Монтегю считает отменные причины следствием осознанной политики правителей, направленной на то, чтобы «усмирять дух свободных людей и низводить их до рабства». Способ осуществления этой политики сводится к насаждению «роскоши» для «отвлечения внимания от общественных изменений как убедительных симптомов всеобщей болезни, изнеженности и коррупции» [Там же]. В итоге исследовательница приходит к выводу, что исследование Монтегю не выявило связи между «демократией» и упадком Афин, что эта проблема осталась неясной. К недостаткам работы Робертс относит и отсутствие анализа возникновения и развития партийных группировок в античных республиках. Сравнивая исследование Э. Монтегю с трудами французских просветителей, имея в виду исследования о греческой истории Г. Мабли и Жан-Жака Руссо, Дж. Робертс считает, что более весомые аргументы относительно параллелей между древней и современной цивилизациями формировались по другую сторону канала и имели большое влияние на историческое мышление в Европе и Америке [Там же]. Таким образом, в целом Дж. Робертс оценивает труд Монтегю как «риторическое упражнение школьника» [Там же. С. 161].

На наш взгляд, общие выводы Дж. Робертс о значимости труда Эдварда Монтегю имеют поверхностный характер, поскольку ею остались незамеченными те причины возвышения и падения античных республик, которые сам Монтегю считал главными. Причина этого, возможно, в том, что Дж. Робертс не определила идейно-теоретическую основу труда Монтегю. Между тем, характеризуя особенности использования примеров из античной истории в политических спорах современности, Монтегю отмечал, что «исторические факты или искажались, или их использовали неправильно; история античных народов описывалась в общих выражениях, без обозначения различных периодов», несмотря на разные обычаи и законы, которые к тому же «по разному и применялись» [19. С. 5]. Собственная позиция Монтегю, с которой он намеревался исследовать судьбы античных государств, заключалась в необходимости следовать лишь «фактам и опыту»: «...факты и опыт одни должны решать, в истории должны изучаться только одни политические факты и опыты» [Там же].

Можно оспорить значимость «сюжетов», которые использовал Монтегю для своего анализа, правомерность его выбора в качестве подтверждения ссылок на сведения определенных античных историков, правомерность исторических параллелей процессов эпохи Античности с современной ему ситуацией в Великобритании. Однако, на наш взгляд, при анализе труда Э. Монтегю главным, решающим обстоятельством для

оценки его идейно-теоретической базы является его выбор предмета исследования и проблем, которые он рассматривает.

Рамки статьи позволяют рассмотреть лишь одну из частей его труда, посвященного определению причин гибели античных республик, – историю Спарты. Монтегю концентрирует внимание на причинах и обстоятельствах изменений в спартанской системе правления, на обстоятельствах, способствовавших или препятствующих успеху реформ, и обстоятельствах, способствующих ослаблению и упадку республики. Решая первую из этих проблем, он рассматривает причины и обстоятельства реформ Ликурга, реформы в период правления Агиса I. Рассматривает Монтегю и попытку в правление Агиса III восстановить систему управления на основе законов времен Ликурга и причины неудачи этой попытки.

Анализ причин и обстоятельств, вызвавших реформирование системы управления Спарты Ликургом, Монтегю начинает с утверждения, что скорее обстоятельства, чем склонность, вынуждают людей менять форму правления. Уточняя характер этих обстоятельств, Монтегю пишет как о притеснениях из-за избытка власти в одних руках, так и о ситуации, когда «ничто не могло удержать наглость своевольного населения и, в целом, правительство бывало ввергнуто в анархию и неразбериху» [19. С. 16]. Первая ситуация была характерна для монархии, вторая – для демократии («состояние управления, наиболее близкое к разобщению и раздробленности») [Там же. С. 15]. Как считает историк, такая периодическая смена монархии на демократию и обратно была особенно характерна для Спарты, и это происходило до тех пор, пока «из этой прискорбной ситуации мудрость и добродетели одного великого человека подняли его страну до таких высот мощи, которой завидовали и опасались ее соседи» [Там же]. Характеризуя ситуацию в Спарте накануне реформ Ликурга, Монтегю считает, что «Ликург нашел свою страну в наиболее ужасной ситуации, состоянии анархии и неразберихи. Богатые – дерзкие и угнетающие; бедные – стонущие под давлением долгов, бунтующие от отчаяния и готовые резать горло своих ростовщиков и угнетателей» [19. С. 67–68].

Можно с равной долей вероятности сказать, что «обстоятельства», о решающей роли которых говорит Монтегю, заключались либо в «политическом круговороте», который не улучшал ситуацию, либо явились плодом размышлений Ликурга о политическом тупике, которые сформировались у него на основе сопоставления им порядков в тех странах, которые он посетил, и его отбором наиболее пригодных [Там же. С. 17]. Отдавая дань существующей традиции, Монтегю много пишет о выдающихся способностях и талантах Ликурга, однако окончательный выбор Монтегю делает несколько позже, когда рассматривает обстоятельства, позволившие Ликургу приступить к реформам. В этом случае он прямо говорит об определяющей роли политического фактора, т.к. при правлении племянника Ликурга, которому он добровольно передал престол, вновь повторилась смена упорядоченного правления анархией. Кроме того, поскольку «два царя были малодушными и лишенными способностей, то люди были

рады поменять свое беспорядочное состояние на любое урегулированное правительство» [19. С. 25].

Сущность реформ Ликурга Монтегю видит в двух его мероприятиях. Во-первых, в изменении устройства государственного управления, «которое в это время состояло в путанице, совершенно лишенной баланса трех промежуточных властей: наследственной монархии, поделенной между двумя семьями, и беспорядочной демократии» [Там же. С. 18]. Во-вторых, в изменении нравов его соотечественников, которые «искоренили бы все разрушительные страсти и возвысили их над любыми слабостями и немощью человеческой природы» [19. С. 19].

Как представляется, здесь Монтегю стремился объединить как известные в его время теории философов, стремившихся найти наилучшее устройство государства в «смешанном правлении», в сочетании трех известных форм, обеспечивающих политический баланс, так и теории «моральной философии». Это подтверждается тем, что последнее обстоятельство он выделяет особо, подчеркивая, что речь идет о «схеме, которую все великие философы выучили в теории». Как пишет исследователь, Ликург «обнаружил два фактора, великое богатство и великую нужду», которые, как считал сам Монтегю, «были источниками бесконечного вреда для свободного государства». Но Ликург был единственным, кто попытался использовать это на практике [Там же].

Изложение политических реформ Ликурга Монтегю традиционно: это упоминание об учреждении Сената из крупной знати из тридцати человек, выбираемых пожизненно, «которым он вручил высшую власть в гражданских делах». Это и описание ограничения царской власти: царям «он оставил титул и царские атрибуты, но ограничил их власть делами войны и религии». Это и уточнение прав народа: народу он дал привилегию выборов сенаторов и дал им право принимать те законы, которые цари и сенат одобрили» [19. С. 19–20].

Однако историк подчеркивает, что не политические реформы, а изменение «человеческой природы», преодоление страстей и слабостей, а в сущности, изменение морали и обычаев было самой трудной задачей, с которой столкнулся Ликург. «Если мы считаем, что человеческая натура является той же самой во все времена <...> то представляется в высшей степени удивительным, как Ликург смог осуществить план такой дисциплины самоограничения среди распущенных людей» [Там же. С. 24].

Рассматривая мероприятия Ликурга, которые действовали изменению «человеческой природы» спартанцев, Монтегю обращает внимание на те обстоятельства, которые целиком связаны с материальными условиями жизни. Так, он приводит сведения о разделении земель в Спарте на равные участки пропорционально числу жителей, пишет об обязательных совместных трапезах. Далее он говорит о запрещении золотой и серебряной монеты и замене ее железной, что сохранялось в Спарте и ее владениях в течение многих последующих веков [19. С. 20]. Привлекает внимание замечание Монтегю о способе преодоления и предупреждения коррупции Ликургом, столь распространенного явления для Англии его дней. «Чтобы преградить путь

богатству и предохранить своих граждан от заразы коррупции, он [Ликург] совершенно запретил мореплавание и торговлю, хотя его страна имела морское побережье на большом протяжении и обладала превосходными гаванями. Он допускал небольшое присутствие иностранцев для дел, необходимых обществу <...> Земледелие, как и механические ремесла, которые были совершенно необходимы для существования, он предоставил рабам илотам» [Там же. С. 21].

На наш взгляд, особого внимания заслуживают рассуждения Монтегю о причинах, по которым реформы Ликурга стали возможны. Сначала исследователь приводит традиционную версию, основанную на сообщениях античных историков. Она связывалась с решением дельфийского оракула, что предотвратило как недовольство народа аристократическим составом Сената, так и, позже, недовольство аристократов разделением земли. Монтегю не считает решающим обстоятельством это объяснение: «Плутарх и остальные греческие историки оставили нас, в сущности, в неведении относительно средств, благодаря которым Ликург смог <...> разделить собственность и подвел к этому богатую часть своих земляков» [19. С. 26]. «По моему мнению, как только он, создавая сенат, осуществил изменения в устройстве посредством распределения верховной власти среди высших персон, то равное распределение собственности было приманкой брошенной, чтобы перенести внимание главной части народа... к их собственным интересам. Я склонен даже думать, что он заставлял богатых подчиниться такой раздражающей мере благодаря помощи беднейших граждан, которые составляли значительное большинство <...>» [Там же. С. 27].

Как считает Монтегю, ссылаясь на авторитет Плутарха, состояние Спарты, пока спартанцы соблюдали законы Ликурга вплоть до правления Агиса I, характеризовалось их полным превосходством в Греции. Однако при Агисе I произошло роковое изменение в управлении, состоявшее во введении магистратуры эфоров, что в конечном счете и привело к гибели Спарты. Анализируя сущность «эфората», историк не согласен с трактовкой Плутарха. По его мнению, Плутарх был не прав, считая, что магистратуры, названные эфорами, Агис вводил для расширения гражданского [аристократического] правления [19. С. 29]. «Вместо расширения и усиления аристократической власти, как подчеркивает Плутарх, в действительности они постепенно узурпировали все управление и явили собой наиболее тираническую олигархию» [Там же. С. 30].

Интересны, на наш взгляд, и способы, используемые Монтегю для определения времени возникновения этой магистратуры. «Точное время возникновения этого института и власти, данной этому институту, совершенно ненадежно. Геродот относит это к Ликургу, Ксенофонт также к Ликургу <...>. Аристотель и Плутарх относят это ко времени правления Феопомпа и Полидора и приписывают создание этих институтов царям спустя 130 лет после смерти Ликурга» [19. С. 30]. В отличие от большинства своих современников, Монтегю предпочтение отдает хронологии Аристотеля и Плутарха не в силу большего авторитета того или иного историка, а основываясь на характере поли-

тической ситуации. «Я не могу не отнестись к этому мнению как к наиболее вероятному, потому что первое политическое соперничество мы встречаем в Спарте в правление этих принцев [Феопомпа и Полидора], когда народ попытался расширить свои права за пределы границ, установленных Ликургом. Объединение оппозиции против царей и сената было опасным, и, вероятно, создание этой магистратуры из народа в это время и было способом для достижения компромисса и восстановления общественного спокойствия» [19. С. 30–31].

Характеризуя дальнейшую роль эфоров, Монтегю в подтверждение своей трактовки приводит мнения всех античных историков, которые единодушно свидетельствуют, что в конце концов эфоры «не только захватили все отрасли управления [ветви власти], но присвоили себе власть заключать в тюрьму, свергать и даже ставить своих царей <...> своей собственной волей. Цари, в свою очередь, также <...> иногда подкупали, иногда свергали или убивали эфоров <...> Я смотрю, поэтому, на создание эфората как на нарушение спартанского устройства, которое привело к первым проявлениям фракционности и коррупции» [Там же. С. 32].

Объясняя свое мнение, историк подводит к мысли о действии материального фактора, предопределившего в Спарте социальное недовольство, коррупцию и тиранию. «Что это зло [коррупция и тирания] появилось от института эфоров, очевидно из свидетельства Аристотеля, который считал излишним избирать магистраты <...> с высшей властью в государстве из всего народа; поскольку это часто приводит к тому, что люди чрезмерно нуждающиеся поднимались посредством этого способа к браздам правления, которое искушало их становиться продажными из-за их бедности. <...> Он добавлял также, что их власть была настолько громадна, что равнялась в совокупности полной [абсолютной] тирании: самих царей вызывали на суд их благосклонности. Благодаря таким методам произошло великое повреждение устройства, которое из аристократии выродилось в абсолютную демократию. Эта магистратура одна поглотила целое правительство» [19. С. 33]. Вывод Монтегю делает совершенно определенный: «Из этих замечаний мудрого Аристотеля очевидно, что эфоры полностью разрушили баланс власти установленный Ликургом как предохранение от тирании, поэтому эта магистратура продолжила те конвульсии, которые так часто сотрясали спартанское государство и, наконец, постепенно привели его к полному разрушению» [Там же].

Соглашаясь с Аристотелем о сущности и последствиях власти эфоров, Монтегю пытается определить и причины появления этой магистратуры. Во время правления Агиса I спартанцы, почувствовав «необходимость общественного фонда, покрывающего их чрезвычайные расходы» на «далекие экспедиции как морские, так и сухопутные», вынуждены были откажаться от запрета на золотые и серебряные деньги. Причина этого отказа, по мнению историка, была объективна и «материальна»: собственными силами они не могли обеспечить закупку и перевозку необходимого количества товаров, в которых нуждались. Именно поэтому для получения необходимого количества золотых монет спартанцы были вынуждены «платить рабской

расположенностью персидским монархам за денежную поддержку и субсидии, накладывать тяжелую дань на завоеванные острова, и требовать деньги от других греческих государств» [19. С. 35]. Итак, первопричина нарушения законов Ликурга и возникновения института эфоров связана с объективными и материальными по характеру обстоятельствами.

Обращаясь к мотивам, которыми руководствовались в своих поступках политические лидеры, Монтегю приходит к мнению о действии тех же самых «материальных обстоятельств». Он подчеркивал, что когда ко времени правления царя Агиса I институт эфоров укрепился, спартанский полководец Лисандр, «герой и политик, человек великих стремлений и величайший мошенник, которого родила Спарта», ввел новшества, ставшие роковыми для его соотечественников [Там же. С. 35–36]. «Благодаря его завоеванию Афин он послал домой огромную массу богатств, которую награбили во многих странах <...>. Наиболее разумные люди среди спартанцев страшились роковых последствий того, что этот капитал нарушит учреждения их законодателя, выступили с протестом перед эфорами против введения золота и серебра как зла, разрушающего общество. Эфоры отослали это решение сенату, который, ослепленный светом этих денег, до этого времени они им были в новинку, постановил, что золотые и серебряные деньги могут быть использованы для служения государству; но подвергнется смерти тот, у кого они будут найдены в личном владении» [19. С. 36].

Монтегю согласен с мнением Плутарха, согласно которому «хотя приток богатства и преграждался для частных лиц террором и законом, он все же подталкивал их к любви к деньгам и появлению коррупции, возникновению всеобщего преклонения и желания денег как чего-то великого и достойного». Исследователь в качестве аргумента ссылается на примеры, которые приводил сам Плутарх в жизнеописании Агесилая: «С этого времени Спарта стала продажной и выросла чрезвычайно любовью к субсидиям от иностранных сил. Агесилай, который наследовал Агису, и был одним из величайших их царей, проявил себя в последнюю часть своей жизни более как капитан банды наемников, чем как царь Спарты. Он получил большую субсидию от Тахо, к этому времени царя Египта, и нанялся на его службу с целым войском, которое он набрал для этой цели. Но когда Нектанабис, который восстал против своего дяди Тахо, предложил ему более подходящие условия, он покинул несчастного монарха и ушел к его мятежному племяннику, оправдываясь интересами своей страны в извинение за такое предательство и позорное дело» [19. С. 37–38].

Однако, как считает Монтегю, «первоначальное владение участком земли еще сохранялось (число, которое Ликург определил, сохранялось законом) и передавалось от отца к сыну по наследству, конституционные порядки и равенство еще сохранялись, возрождая государство снова. Таким образом, существовали еще преграда для «перерождения» Спарты и возможность возрождения политических порядков, и эта «преграда» связывается исследователем с существованием равного владения земли в Спарте. Влияние идей Дж. Гаррингтона здесь несомненно, хотя Монтегю и не ссылается на него.

Уничтожение равного владения землей, этой последней «преграды» на пути к перерождению политических порядков и нравов у спартанцев, историк, вслед за Плутархом, связывает опять-таки с последующей деятельностью эфоров. «Эпитадеус, один из эфоров, поссорившись со своим сыном, распространил свое негодование так далеко, что издал закон, который позволял каждому отчуждать их наследственную землю или дарением, или продажей в течение времени их жизни или по их кончине. Этот закон произвел роковое изменение в земельной собственности. <...> Необходимость в роскоши и жадное вымогательство бросило всю собственность в руки не-

скольких семей, сначала равное числу семей античной Спарты, которое затем было уменьшено до одной сотни, и еще некоторое время являвшихся собственниками их наследуемых земель выделенных еще Ликургом» [19. С. 39].

Таким образом, анализируя причины изменений системы правления, законов и нравов при Агисе I, Монтегю вновь приходит к выводу о решающей роли материальных обстоятельств и, особенно, распределения земельной собственности в упадке древней Спарты. Это обстоятельство предвещало предстоящий крах и современной Великобритании, если не будет изменений в направлении ее развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Wright Johnson Kent*. Historical writing in the Enlightenment world // *The Enlightenment World*. Contributors: Martin Fitzpatrick / eds. by P. Jones, C. Knellwolf, I. McCalman. N.Y. : Routledge, 2004.
2. *Барз М.А.* Болингброк и английское Просвещение // Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. 358 с.
3. *Общественно-политическая мысль европейского Просвещения* / МГУ им. М.В. Ломоносова ; под ред. Н.М. Мещеряковой. М. : Кн. дом, 2002. 383 с.
4. *Лабутина Т.Л.* Английское Просвещение как идейный источник энциклопедизма во Франции // *Философский век. Альманах*. Вып. 27: Энциклопедия как форма универсального знания: от эпохи Просвещения к эпохе Интернета / отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб. : Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2004. 421 с.
5. *Милашевская Т.А.* У. Митфорд и начало торийской историографии Античности : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1980.
6. *Roberts J.T.* The Antidemocratic Tradition in Western Thought. Princeton University Press, 1994.
7. *Историография Нового времени стран Европы и Америки*. М., 1990. С. 75.
8. *Вайнштейн О.Л.* Историография Средних веков. М. ; Л., 1940.
9. *Виноградов К.Б.* Очерки английской историографии Нового и Новейшего времени. М., 1959.
10. *Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки* / под ред. И.С. Галкина. М., 1967.
11. *Немировский А.И.* Историография Античности. Воронеж, 1972.
12. *The transformations of Roman world: Gibbon's problem after two centuries*. Berk ; Los Ang., 1966.
13. *Bond H.L.* The literary Art of Edward Gibbon. Oxford, 1960.
14. *Black Y.B.* The Art of History. A study of four great historians of the eighteenth century. Ann Arbor, Michigan, 1961.
15. *Angus-Butterworth L.M.* Ten master Historians. M.A. F.S.A. Scot., 1961. Low D.M. Edward Gibbon. London, 1937.
16. *Morison J.C.* Gibbon. English Men of letters. London, 1878.
17. *Фролов Э.Д.* Предисловие к новому русскому изданию «Истории упадка и разрушения Римской империи Эдуарда Гиббона» // Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. СПб., 1997.
18. *Яснитский Н.А.* Проблема падения Римской империи. Эдуард Гиббон : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.
19. *Edward Wortley Montagu*. Reflection on the Rise and Fall of the Ancient republicks adapted to the Present State of Great Britain. 4 ed. London, 1778.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 апреля 2012 г.